

7 АПРЕЛЯ 1928 ГОДА

Через забор, в просветы густых завитков, мне видно, как они бьют. Идут к флажку, и я пошел забором. Ластер ищет в траве под деревом в цвету. Вытащили флажок, бьют. Вставили назад флажок, пошли на гладкое, один ударил, и другой ударил. Пошли дальше, и я пошел. Ластер подошел от дерева, и мы идем вдоль забора, они стали, и мы тоже, и я смотрю через забор, а Ластер в траве ищет.

— Подай клюшки, кэджи¹. — Ударил. Пошли от нас лугом. Я держусь за забор и смотрю, как уходят.

— Опять занюнил, — говорит Ластер. — Хорош младенец, тридцать три годочка. А я еще в город таскался для тебя за тортом. Кончай вытье. Лучше помоги искать монету, а то как я на артистов пойду вечером.

Они идут по лугу, бьют нечасто. Я иду забором туда, где флажок. Его треплет среди яркой травы и деревьев.

— Пошли, — говорит Ластер. — Мы там уже искали. Они сейчас не придут больше. Идем у ручья поищем, пока прачки не подняли.

Он красный, его треплет среди луга. Подлетела птица косо, села на него. Ластер швырнул. Флажок треплет на яркой траве, на деревьях. Я держусь за забор.

— Кончай шуметь, — говорит Ластер. — Не могу же я вернуть игроков, раз ушли. Замолчи, а то мамми не устроит тебе именин. Замолчи, а то знаешь что сделаю? Съем весь торт. И свечки съем. Все тридцать три свечки. Пошли спустимся к ручью. Надо найти эту монету. Может, из мячиков ихних который-нибудь подберем.

¹ Кэджи — мальчик, таскающий за игроками набор клюшек для гольфа. — Здесь и далее примеч. ред.

Смотри, где они. Вон там, далеко-далеко. — Подошел к забору, показал рукой: — Видишь? Сюда не придут больше. Идем.

Мы идем забором и подходим к огороду. На заборе огородном наши тени. Моя выше, чем у Ластера. Мы лезем в пролом.

— Стой, — говорит Ластер. — Опять ты за этот гвоздь зацепился. Никак не можешь, чтоб не зацепиться.

Кэдди отцепила меня, мы пролезли. «Дядя Мори велел идти так, чтобы никто нас не видел. Давай пригнемся, — сказала Кэдди. — Пригнись, Бенджи. Вот так, понял?» Мы пригнулись, пошли через огород, цветами. Они шелестят, шуршат об нас. Земля твердая. Мы перелезли через забор, где хрюкали и дышали свиньи. «Наверно, свиньям жалко ту, что утром закололи», — сказала Кэдди. Земля твердая, в комках и ямках.

«Спрячь-ка руки в карманы, — сказала Кэдди. — Еще пальцы отморозишь. Бенджи умный, он не хочет обморозиться на Рождество».

— На дворе холод, — сказал Верш. — Незачем тебе туда.

— Что это он, — сказала мама.

— Гулять просится, — сказал Верш.

— И с Богом, — сказал дядя Мори.

— Слишком холодно, — сказала мама. — Пусть лучше сидит дома. Прекрати, Бенджамин.

— Ничего с ним не случится, — сказал дядя Мори.

— Бенджамин, — сказала мама. — Будешь бякой — отошлю на кухню.

— Мэмми не велела водить его в кухню сегодня, — сказал Верш. — Она говорит, ей и так не управиться со всей этой стряпней.

— Пусть погуляет, — сказал дядя Мори. — Расстроит тебя, сляжешь еще, Кэролайн.

— Я знаю, — сказала мама. — Покарал меня Господь ребенком. А за что — для меня загадка.

— Загадка, загадка, — сказал дядя Мори. — Тебе надо поддерживать силы. Я тебе пуншу сделаю.

— Пунш меня только больше расстроит, — сказала мама. — Ты же знаешь.

— Пунш тебя подкрепит, — сказал дядя Мори. — Закутай его, братец, хорошенько и погуляйте немного.

Дядя Мори ушел. Верш ушел.

— Замолчи же, — сказала мама. — Оденут, и сейчас тебя отправим. Я не хочу, чтобы ты простудился.

Верш надел мне боты, пальто, мы взяли шапку и пошли. В столовой дядя Мори ставит бутылку в буфет.

— Погуляй с ним полчаса, братец, — сказал дядя Мори. — Только со двора не пускай.

— Слушаю, сэр, — сказал Верш. — Мы его дальше двора никуда не пускаем.

Вышли во двор. Солнце холодное и яркое.

— Ты куда? — говорит Верш. — Ушлый какой — в город, что ли, собрался? — Мы идем, шуршим по листьям. Калитка холодная. — Руки-то спрячь в карманы, — говорит Верш. — Примерзнут к железу, тогда что будешь делать? Как будто в доме нельзя тебе ждать. — Он сует мои руки в карманы. Он шуршит по листьям. Я слышу запах холода. Калитка холодная.

— На вот орехов лучше. Ух ты, на дерево сиганула. Глянь-ка, Бенджи, — белка!

Руки не слышат калитки совсем, но пахнет ярким холодом.

— Лучше спрячь руки обратно в карманы.

Кэдди идет. Побежала. Сумка мотается, бьет позади.

— Здравствуй, Бенджи, — говорит Кэдди. Открыла калитку, входит, наклонилась. Кэдди пахнет листьями. — Ты встречать меня вышел, да? — говорит она. — Встречать Кэдди? Почему у него руки такие холодные, Верш?

— Я говорил ему: в карманы спрячь, — говорит Верш. — Вцепился в калитку, в железо.

— Ты встречать Кэдди вышел, да? — говорит Кэдди и трет мне руки. — Ну что? Что ты хочешь мне сказать? — От Кэдди пахнет деревьями и как когда она говорит, что вот мы и проснулись.

«Ну что ты воешь, — говорит Ластер. — От ручья их опять будет видно. На. Вот тебе дурман». Дал мне цветок. Мы пошли за забор, к сараю.

— Ну что же, что? — говорит Кэдди. — Что ты хочешь Кэдди рассказать? Они его услали из дому — да, Верш?

— Да его не удержишь, — говорит Верш. — Вopil, пока не выпустили, и прямо к воротам: смотреть на дорогу.

— Ну что? — говорит Кэдди. — Ты думал, я приду из школы и сразу будет Рождество? Думал, да? А Рождество послезавтра.

С подарками, Бенджи, с подарками. Ну-ка бежим домой греться. — Она берет мою руку, и мы бежим, шуршим по ярким листьям. И вверх по ступенькам, из яркого холода в темный. Дядя Мори ставит бутылку в буфет. Он позвал: «Кэдди». Кэдди сказала:

— Веди его к огню, Верш. Иди с Вершем, — сказала Кэдди. — Я сейчас.

Мы пошли к огню. Мама сказала:

— Он замерз, Верш?

— Нет, мэм, — сказал Верш.

— Сними с него пальто и боты, — сказала мама. — Сколько раз тебе велено снимать прежде боты, а потом входить.

— Да, мэм, — сказал Верш. — Стой смирно.

Снял с меня боты, расстегнул пальто. Кэдди сказала:

— погоди, Верш. Мама, можно, Бенджи еще погуляет? Я его с собой возьму.

— Не стоит его брать, — сказал дядя Мори. — Он уже сегодня нагулялся.

— Не ходите оба никуда, — сказала мама. — Дилси говорит, что на дворе становится еще холоднее.

— Ах, мама, — сказала Кэдди.

— Пустяки, — сказал дядя Мори. — Весь день сидела в школе, надо же ей подышать свежим воздухом. Беги гуляй, Кэндейси.

— Пусть и он со мной, мама, — сказала Кэдди. — Ну пожалуйста. Иначе он ведь плакать будет.

— А зачем было при нем упоминать о гулянье? — сказала мама. — Зачем тебе надо было входить сюда? Чтобы дать ему повод опять меня терзать? Ты сегодня достаточно была на воздухе. Лучше сядь с ним здесь и поиграйте.

— Пусть погуляют, Кэролайн, — сказал дядя Мори. — Морозец им не повредит. Не забывай, что тебе надо беречь силы.

— Я знаю, — сказала мама. — Никому не понять, как страшат меня праздники. Никому. Эти хлопоты мне не по силам. Как бы я хотела быть крепче здоровьем — ради Джейсона и ради детей.

— Ты старайся не давать им волновать тебя, — сказал дядя Мори. — Ступайте-ка оба, ребята. Только ненадолго, чтобы мама не волновалась.

— Да, сэр, — сказала Кэдди. — Идем, Бенджи. Гулять идем! — Она застегнула мне пальто, и мы пошли к дверям.

— Значит, ты ведешь малютку во двор без ботишков, — сказала мама. — Полон дом гостей, а ты хочешь его простудить.

— Я забыла, — сказала Кэдди. — Я думала, он в ботах.

Мы вернулись.

— Надо думать, что делаешь, — сказала мама. *Да стой ты спокойно*, сказал Верш. Надел мне боты. — Вот не станет меня, и тогда придется тебе о нем заботиться. — *Теперь топни*, сказал Верш. — Подойди поцелуй маму, Бенджамин.

Кэдди подвела меня к маминому креслу, мама обхватила мое лицо руками и прижала к себе.

— Бедный мой малютка, — сказала она. Отпустила. — Вы с Вершем хорошенько смотрите за ним, милая.

— Да, мэм, — сказала Кэдди. Мы вышли. Кэдди сказала: — Можешь не ходить с нами, Верш. Я с ним сама погуляю.

— Ладно, — сказал Верш. — В такой холод выходить не больно интересно. — Он пошел, а мы стали в передней. Кэдди присела, обняла меня, прижалась ярким холодным лицом к моему. Она пахла деревьями.

— Никакой ты не бедный малютка. Правда, не бедный? У тебя есть Кэдди. У тебя твоя Кэдди.

«Размышался, расслюнявился», говорит Ластер. «И не стыдно тебе подымать такой рев». Мы проходим сарай, где шарабан. У него колесо новое.

— Садись и сиди тихо, жди маму, — сказала Дилси. Она подпихнула меня в шарабан. У Ти-Пи в руках вожжи. — Непонятно мне, почему Джейсон не покупает новый, — сказала Дилси. — Дождется, что этот развалится под вами на кусочки. Одни колеса чего стоят.

Вышла мама, вуаль опустила. Держит цветы.

— А где Роскус? — сказала мама.

— Роскуса сегодня разломило, рук не поднять, — сказала Дилси. — Ти-Пи тоже хорошо правит.

— Я боюсь, — сказала мама. — Видит Бог, я прошу от вас многого: раз в неделю мне нужен кучер, и даже этой малости не могу допроситься.

— Вы не хуже меня знаете, мис Кэлайн, что Роскуса скрутило ревматизмом, — сказала Дилси. — Идите садитесь. Ти-Пи не хуже Роскуса вас доведет.

— Я боюсь, — сказала мама. — За малютку боюсь.

Дилси поднялась на крыльцо.

— Хорош малютка, — сказала она. Взяла маму за руку. — Считай, ровесник моему Ти-Пи. Идемте же, когда хотите ехать.

— Я боюсь, — сказала мама. Они сошли с крыльца, и Дилси усадила маму. — Что ж, впрочем, так оно и лучше будет для всех нас.

— И не стыдно вам такое говорить, — сказала Дилси. — Будто не знаете, какая Квини смиренная. Чтоб она понесла, нужно пугало пострашней восемнадцатилетнего негра. Да ей больше годочков, чем ему и Бенджи, вместе взятым. А ты не озоруй, Ти-Пи, вези тихо, слышишь? Пусть только мис Кэлайн мне пожалуется, Роскус тобой займется. У него еще не вовсе отнялись руки.

— Да, мэм, — сказал Ти-Пи.

— Добром это не кончится, я знаю, — сказала мама. — Прекрати, Бенджамин.

— Дайте ему цветок, — сказала Дилси. — Он хочет держать цветок.

Протянула руку к цветам.

— Нет-нет, — сказала мама. — Ты их все растреплешь.

— А вы придержите, — сказала Дилси. — Мне только один вытянуть. — Дала цветок мне, и рука ушла.

— Теперь трогайте, пока Квентина не увидела и не захотела тоже с вами, — сказала Дилси.

— Где она? — сказала мама.

— Возле дома у меня там, с Ластером играет, — сказала Дилси. — Трогай, Ти-Пи. Правь, как учил тебя Роскус.

— Слушаю, мэм, — сказал Ти-Пи. — Н-но, Квини!

— За Квентиной, — сказала мама. — Смотри за...

— Да уж будьте спокойны, — сказала Дилси.

Шарабан трясется аллеей, скрипит по песку.

— Я боюсь оставлять Квентину, — говорит мама. — Лучше вернемся, Ти-Пи.

Выехали за ворота, уже не трясет. Ти-Пи стегнул Квини кнутом.

— Что ты делаешь, Ти-Пи! — сказала мама.

— Надо же ее взбодрить, — сказал Ти-Пи. — Чтоб не спала на ходу.

— Поворачивай обратно, — сказала мама. — Я боюсь за Квентину.

— Здесь не повернешь, — сказал Ти-Пи.

Доехали, где шире.

— А здесь ведь можно, — сказала мама.

— Ладно, — сказал Ти-Пи. Стали поворачивать.

— Что ты делаешь, Ти-Пи! — сказала мама, хватаясь за меня.

— Надо ж как-то повернуть, — сказал Ти-Пи. — Тпру, Квини.

Мы стали.

— Ты нас перевернешь, — сказала мама.

— Так что же вы хотите? — сказал Ти-Пи.

— Не поворачивай, я боюсь, — сказала мама.

— Н-но, Квини, — сказал Ти-Пи. Мы едем дальше.

— Я знаю, Дилси недосмотрит без меня и с Квентиной что-нибудь случится, — сказала мама. — Нам нужно поскорее возвращаться.

— Н-но, Квини, — сказал Ти-Пи. Стегнул Квини.

— Ти-Пи-и-и, — сказала мама, хватаясь за меня. Слышны копыта Квини, и яркие пятна плывут гладко с обоих боков, и тени от них плывут у Квини по спине. Все время плывут, как яркие верхушки у колес. Потом застыли с того бока, где белая тумба с солдатом наверху. А с другого бока все плывут, но не так быстро.

— Что вам угодно, мамаша? — говорит Джейсон. У него руки в карманах и за ухом карандаш.

— Мы едем на кладбище, — говорит мама.

— Пожалуйста, — говорит Джейсон. — Я как будто не препятствую. Это все, зачем вы меня звали?

— Ты не поедешь с нами, я знаю, — говорит мама. — С тобой я бы не так боялась.

— Боялись чего? — говорит Джейсон. — Отец и Квентин вас не тронут.

Мама прикладывает платок под вуалью.

— Перестаньте, мамаша, — говорит Джейсон. — Вы хотите, чтобы этот остолоп развылся среди площади? Трогай, Ти-Пи.

— Н-но, Квини, — сказал Ти-Пи.

— Покарал меня Господь, — сказала мама. — Но скоро и меня не станет.

— Останови-ка, — сказал Джейсон.

— Тпру, — сказал Ти-Пи. Джейсон сказал:

— Дядя Мори просит пятьдесят долларов с вашего счета. Дать?

— Зачем ты меня спрашиваешь? — сказала мама. — Ты хозяин. Я стараюсь не быть обузой для тебя и Дилси. Скоро уж меня не станет, и тогда тебе...

— Трогай, Ти-Пи, — сказал Джейсон.

— Н-но, Квини, — сказал Ти-Пи. Опять поплыли яркие. С того бока тоже, быстро и гладко, как когда Кэдди говорит, что засыпаем.

«Рева», говорит Ластер. «И не стыдно тебе». Мы проходим сарай. Стойла раскрыты. «Нет у тебя теперь пегой лошади», говорит Ластер. Пол сухой и пыльный. Крыша провалилась. В косых дырах толкутся желтые пылинки. «Куда пошел? Хочешь, чтоб тебе башку там отшибли мячом?»

— Спрячь-ка руки в карманы, — говорит Кэдди. — Еще пальцы отморозишь. Бенджи умный, он не хочет обморозиться на Рождество.

Идем кругом сарая. В дверях большая корова и маленькая, и слышно — в стойлах переступают Принс, Квини и Фэнси.

— Было бы теплей — прокатились бы на Фэнси, — говорит Кэдди. — Но сегодня нельзя, слишком холодно. — Уже видно ручей, и дым стелется. — Там свинью обсмаливают, — говорит Кэдди. — Обратно пойдем той дорогой, поглядим. — Спускаемся с горы.

— Хочешь — неси письмо, — говорит Кэдди. — На, неси. — Переложила письмо из своего кармана в мой. — Это рождественский сюрприз от дяди Мори. Нам нужно отдать миссис Паттерсон, чтобы никто не видел. Не вынимай только рук из карманов.

Пришли к ручью.

— Ручей замерз, — сказала Кэдди. — Смотри. — Она разбила воду сверху и приложила кусочек мне к лицу. — Лед. Вот как холодно. — За руку перевела меня, мы всходим на гору. — Даже папе и маме не велел говорить. По-моему, знаешь, про что в этом письме? Про подарки маме, и папе, и мистеру Паттерсону тоже, потому что мистер Паттерсон присылал тебе конфеты. Помнишь, прошлым летом.

Забор. Цветы сухие вяются, и ветер шуршит ими.

— Только не знаю, почему дядя Мори Верша не послал. Верш не разболтал бы. — В окно смотрит миссис Паттерсон. — Подожди здесь, — сказала Кэдди. — Стой на месте и жди. Я сейчас же вернусь. Дай-ка письмо. — Она достала письмо из моего кармана. —

А рук не вынимай. — С письмом в руке перелезла через забор, идет, шуршит бурыми цветами. Миссис Паттерсон ушла к дверям, отворила, стоит на пороге.

Мистер Паттерсон машет тяпкой в зеленых цветах. Перестал и смотрит на меня. Миссис Паттерсон бежит ко мне садом. Я увидел ее глаза и заплакал. «Ох ты, идиотина», говорит миссис Паттерсон. «Я же сказала ему, чтобы не присылал больше тебя одного. Дай сюда. Скорее». Мистер Паттерсон идет к нам с тяпкой, быстро. Миссис Паттерсон тянется рукой через забор. Хочет перелезть. «Дай сюда», говорит миссис. «Дай же сюда». Мистер Паттерсон перелез через забор. Взял письмо. У миссис платье зацепилось за забор. Я опять увидал ее глаза и побежал с горы.

— Там, кроме домов, ничего нету, — говорит Ластер. — Пошли теперь к ручью.

У ручья стирают, хлопают. Одна поет. Дым ползет через воду. Пахнет бельем и дымом.

— Вот тут и будь, — говорит Ластер. — Нечего тебе туда. Там тебя мячом по башке.

— А чего он хочет?

— Будто он знает чего, — говорит Ластер. — Ему наверх надо, где в гольф играют. Сядь здесь и играйся с цветком. А смотреть — смотри, как ребята купаются. Веди себя как люди.

Я сажусь у воды, где полощут и веет синим дымом.

— Тут монету никто не подымал? — говорит Ластер.

— Какую монету?

— Какая у меня утром была. Двадцать пять центов, — говорит Ластер. — Посеял где-то из кармана. В прореху выпала, вот в эту. Если не найду, не на что будет вечером купить билет.

— А где ты ее взял, монету? Небось у белого в кармане?

— Где взял, там теперь нету, а после еще будет, — говорит Ластер. — А пока что мне эту надо найти. Вы никто не видали?

— Мне только монеты искать. У меня своих дел хватает.

— Иди-ка сюда, — говорит Ластер. — Помоги мне искать.

— Да ему что монета, что камешек.

— Все равно пусть помогает, — говорит Ластер. — А вы идете вечером на артистов?

— Не до того мне. Пока управлюсь с этим корытом, устану так, что и руки не поднять, а не то чтоб на этих артистов идти.

— А спорим, пойдете, — говорит Ластер. — Спорим, вчера уже были. Только откроют там, сразу все пойдете в ту палатку.

— Туда и без меня набьется негров. Хватит, что вчера ходила.

— Небось те же деньги плотим, что и белые.

— Белый плотит негру деньги, а сам знает: приедет другой белый с музыкой и все их себе прикарманит до цента, и опять иди, негр, зарабатывай.

— Никто тебя туда на представление не гонит.

— Пока еще не гонят. Не додумались.

— Дались тебе белые.

— Дались не дались. Я иду своей дорогой, а они своей. Больно нужно мне это представление.

— У них один там на пиле играет песни. Прямо как на банджо.

— Вы вчера, — говорит Ластер, — а я сегодня пойду. Только вот монету найти.

— И его, значит, возьмешь с собой?

— Ага, — говорит Ластер. — Как же. Чтоб он мне там развылся.

— А что ты делаешь, когда развоется?

— Порю его, вот что я делаю, — говорит Ластер. Сел, закатал штаны. В воде играют дети.

— А шариков Бенджиных никто не находил? — говорит Ластер.

— Ты, парень, скверных слов не говори. Узнает твоя бабушка — не поздоровится тебе.

Ластер вошел в ручей, где дети. Ищет вдоль берега.

— Когда утром здесь ходили, монета еще была у меня, — говорит Ластер.

— Где ж ты ее посеял?

— Из кармана выпала, вот в эту дырку, — говорит Ластер. Они ищут в ручье. Потом все сразу разогнулись, стоят, с плеском кинулись, затолкались. Ластер схватил, присели в воде, смотрят на гору через кусты.

— Где они? — говорит Ластер.

— Еще не видать.

Ластер положил его себе в карман. Те спустились с горы.

— Тут мяч упал — не видели, ребята?

— Не иначе, в воду шлепнулся. Вы не слышали?

— Тут ничего не шлепалось, — сказал Ластер. — Вон там об дерево стукнулось что-то. А куда полетело, не знаю.

Смотрят в ручей.

— Черт. Поищи-ка в ручье. Он здесь упал. Я видел.

Идут берегом, смотрят. Пошли обратно на гору.

— А не у тебя ли мяч? — сказал тот мальчик.

— На что он мне сдался? — сказал Ластер. — Не видел я никакого мяча.

Мальчик вошел в ручей. Пошел по воде. Повернулся, опять смотрит на Ластера. Пошел вниз по ручью.

Взрослый позвал с горы: «Кэдди!» Мальчик вышел из воды и пошел на гору.

— Опять завел? — говорит Ластер. — Замолчи.

— С чего это он?

— А кто его знает с чего, — говорит Ластер. — Ни с чего. Все утро воеет. С того, что сегодня его день рождения.

— А сколько ему?

— Тридцать три исполнилось, — говорит Ластер. — Ровно тридцать лет и три года.

— Скажи лучше — ровно тридцать лет, как ему три года.

— Что мне мэмми сказала, то и я вам, — говорит Ластер. — Я только знаю, что тридцать три свечи зажгут. А тортик куцый. Еле уместятся. Да замолчи. Иди сюда. — Он подошел, схватил меня за руку. — Ты, придурок старый, — говорит. — Хочешь, чтоб выпорол?

— Слабó тебе его выпороть.

— Не раз уже порол. Замолчи ты, — говорит Ластер. — Сколько тебе толковать, что туда нельзя. Там тебе мячами голову сшибут. Иди сюда, — потянул меня назад. — Садись. — Я сел, он снял с меня ботинки, закатал штаны. — Вон туда ступай, в воду, играй себе, и чтоб не выть и слюней не пускать.

Я замолчал и пошел в воду, и пришел Роскус, зовет ужинать, а Кэдди говорит: «Еще рано ужинать. Не пойду».

Она мокрая. Мы играли в ручье, и Кэдди присела в воду, замочила платице, а Верш говорит:

— Замочила платье, теперь твоя мама тебя выпорет.

— А вот и нет, — сказала Кэдди.

— Откуда ты знаешь, что нет? — сказал Квентин.

— А вот и знаю, — сказала Кэдди. — А ты откуда знаешь, что да?

— Мама говорила, что накажет, — сказал Квентин. — И потом, я старше тебя.

— Мне уже семь лет, — сказала Кэдди. — Я сама все знаю.

— А я еще старше, — сказал Квентин. — Я школьник. Правда, Верш?

— И я пойду в школу в будущем году, — сказала Кэдди. — Как только начнется. Правда, Верш?

— Сама знаешь, за мокрое платье пороть будут, — сказал Верш.

— Оно не мокрое, — сказала Кэдди. Встала в воде, смотрит на платье. — Я сниму, оно и высохнет.

— А вот и не снимешь, — сказал Квентин.

— А вот и сниму, — сказала Кэдди.

— Лучше не снимай, — сказал Квентин.

Кэдди подошла к Вершу и ко мне, повернулась спиной.

— Расстегни мне, Верш, — сказала Кэдди.

— Не смей, Верш, — сказал Квентин.

— Твое платье, сама и расстегивай, — сказал Верш.

— Расстегни, Верш, — сказала Кэдди. — А то скажу Дилси, что ты вчера сделал. — И Верш расстегнул.

— Попробуй сними только, — сказал Квентин. Кэдди сняла платье и бросила на берег. На ней остались лифчик и штанишки, больше ничего, и Квентин шлепнул ее, она поскользнулась, упала в воду. Поднялась и стала брызгать на Квентина, а Квентин стал брызгать на нее. И Верша и меня забрызгало. Верш поднял меня, вынес на берег. Он сказал, что расскажет про Кэдди и Квентина, и они стали брызгать на Верша. Верш ушел за куст.

— Я скажу про вас мэмми, — сказал Верш.

Квентин вылез на берег, хотел поймать Верша, но Верш убежал, и Квентин не догнал. Квентин вернулся, тогда Верш остановился и крикнул, что расскажет. И Кэдди крикнула ему, что если не расскажет, то может вернуться. И Верш сказал, что не расскажет, и пошел к нам.

— Радуйся теперь, — сказал Квентин. — Теперь нас высекут обоих.

— Пускай, — сказала Кэдди. — Я убегу из дому.

— Убежишь ты, как же, — сказал Квентин.

— Убегу и никогда не вернусь, — сказала Кэдди. Я заплакал, Кэдди обернулась и сказала: — Не плачь. — И я перестал. Потом они играли в воде. И Джейсон тоже. Он отдельно, дальше по ручью. Верш вышел из-за куста, внес меня в воду опять. Кэдди вся мокрая, а сзади грязная, и я заплакал, и она подошла и присела в воде.

— Не плачь, — сказала Кэдди. — Я не стану убегать.

И я перестал. Кэдди пахла, как деревья в дождь.

«Что с тобой такое?» говорит Ластер. «Кончай выть, играй в воде, как все».

«Забрал бы ты его домой. Ведь тебе не велят водить его со двора».

«А он думает — луг ихний, как раньше», говорит Ластер. «И все равно сюда от дома не видать».

«Но мы-то его видим. А на дурачка глядеть — приятно мало. Да и примета нехорошая».

Пришел Роскус, зовет ужинать, а Кэдди говорит, ужинать еще рано.

— Нет, не рано, — говорит Роскус. — Дилси велела, чтоб вы шли домой. Веди их, Верш.

Роскус ушел на гору, там корова мычит.

— Может, пока дойдем до дома, обсохнем, — сказал Квентин.

— А все ты виноват, — сказала Кэдди. — Вот и пускай нас высекут.

Она надела платье, и Верш ей застегнул.

— Им не дознаться, что вы мокрые, — сказал Верш. — Оно незаметно. Если только мы с Джейсоном не скажем.

— Не скажешь, Джейсон? — сказала Кэдди.

— Про кого? — сказал Джейсон.

— Он не скажет, — сказал Квентин. — Правда, Джейсон?

— Вот увидишь, скажет, — сказала Кэдди. — Бабушке.

— Как он ей скажет? — сказал Квентин. — Она ведь больна. Мы пойдем медленно, стемнеет — и не заметят.

— Пускай замечают, — сказала Кэдди. — Я сама возьму и расскажу. Ему здесь не взойти самому, Верш.

— Джейсон не расскажет, — сказал Квентин. — Помнишь, Джейсон, какой я тебе лук сделал и стрелы?

— Он уже поломался, — сказал Джейсон.

— Пускай рассказывает, — сказала Кэдди. — Я не боюсь ни-сколечко. Возьми Мори на спину, Верш.

Верш присел, я влез к нему на спину.

«Ну пока, до вечера, до представления», говорит Ластер. «Пошли, Бенджи. Нам еще монету искать надо».

— Если идти медленно — пока дойдем, стемнеет, — сказал Квентин.

— Не хочу медленно, — сказала Кэдди. Мы пошли на гору, а Квентин не пошел. Уже запахло свиньями, а он все еще у ручья. Они хрюкали в углу и дышали в корыто. Джейсон шел за нами, руки в карманы. Роскус доил корову в сарае у двери.

Из сарая метнулись навстречу коровы.

— Давай, Бенджи, — сказал Ти-Пи. — Заводи опять. Я подтяну. У-ух! — Квентин опять пнул Ти-Пи. Толкнул в свиное корыто, и Ти-Пи упал туда. — Ух ты какой! — сказал Ти-Пи. — Ловко он меня. Видали, как этот белый меня пнул. У-ух ты!

Я не плачу, но не могу остановиться. Я не плачу, но земля не стоит на месте, и я заплакал. Земля все лезет вверх, и коровы убегают вверх. Ти-Пи хочет встать. Опять упал, коровы бегут вниз. Квентин держит мою руку, мы идем к сараю. Но тут сарай ушел, и пришлось нам ждать, пока вернется. Я не видел, как сарай вернулся. Он вернулся сзади нас, и Квентин усадил меня в корыто, где дают коровам. Я держусь за корыто. Он тоже уходит, а я держусь. Опять коровы побежали — вниз, мимо двери. Я не могу остановиться. Квентин и Ти-Пи качнулись вверх, дерутся. Ти-Пи поехал вниз. Квентин тащит его вверх. Квентин ударил Ти-Пи. Я не могу остановиться.

— Подымись, — говорит Квентин. — И сидите в сарае. Не выходите, пока не вернусь.

— Мы с Бенджи теперь обратно на свадьбу, — говорит Ти-Пи. — У-ух!

Квентин опять ударил Ти-Пи. Трясет его и стучает об стенку. Ти-Пи смеется. Каждый раз, как его стучают об стенку, он хочет сказать «у-ух» и не может от смеха. Я замолчал, но не могу остановиться. Ти-Пи упал на меня, и дверь сарая убежала. Поехала вниз, а Ти-Пи дерется сам с собой и опять упал. Он смеется, а я не могу остановиться, и хочу встать, и падаю обратно, и не могу остановиться. Верш говорит:

— Ну показал же ты себя. Нечего сказать. Да перестань вопить.

Ти-Пи все смеется. Барахтается на полу, смеется.

— У-ух! — говорит Ти-Пи. — Мы с Бенджи обратно на свадьбу. Попили саспелевой — и обратно!

— Тихо ты, — говорит Верш. — А где вы ее брали?

— В погребе, — говорит Ти-Пи. — У-ух!

— Тихо! — говорит Верш. — А где в погребе?

— Да везде, — говорит Ти-Пи. Опять смеется. — Там сто бутылок. Миллион. Отстань, парень. Я петь буду.

Квентин сказал:

— Подыми его.

Верш поднял меня.

— Выпей, Бенджи, — сказал Квентин.

В стакане горячее.

— Замолчи, — сказал Квентин. — Пей лучше.

— Пей саспрелевую, — сказал Ти-Пи. — Дай я выпью, мистер Квентин.

— Заткнись, — сказал Верш. — Мало еще получил от мистера Квентина.

— Поддержи его, Верш, — сказал Квентин.

Они держат меня. Подбородком течет горячее и по рубашке. «Пей», — говорит Квентин. Они держат мне голову. Мне горячо внутри, и я заплакал. Я плачу, а внутри у меня что-то делается, и я сильнее плачу, а они меня держат, пока не прошло. И я замолчал. Опять все кружится, и вот яркие пошли. «Верш, открой ларь». Медленно плывут яркие. «Стели эти мешки на пол». Поплыли быстрее, почти как надо. «Ну-ка за ноги берись». Слышно, как Ти-Пи смеется. Гладко плывут яркие. Я плыву с ними наверх по яркому склону.

Наверху Верш ссадил меня на землю. — Квентин, идем! — позвал, смотрит с горы вниз. Квентин все стоит там у ручья. Камешки кидает в тѐни, где вода.

— Пускай трусишка остается, — сказала Кэдди. Взяла мою руку, идем мимо сарая, в калитку. Дорожка выложена кирпичом, на ней лягушка посредине. Кэдди переступила через нее, тянет меня за руку.

— Пошли, Мори, — сказала Кэдди. Лягушка все сидит, Джейсон пнул ее ногой.

— Вот вскочит бородавка, — сказал Верш. Лягушка упрыгала.

— Пошли, Верш, — сказала Кэдди.

— У вас там гости, — сказал Верш.

— Откуда ты знаешь? — сказала Кэдди.

— Все лампочки горят, — сказал Верш. — Во всех окнах.

— Как будто без гостей нельзя зажечь, — сказала Кэдди. — Захотели и включили.

— А спорим, гости, — сказал Верш. — Идите лучше черной лестницей и наверх, в детскую.

— И пускай гости, — сказала Кэдди. — Я прямо к ним в гостиную войду.

— А спорим, тогда твой папа тебя выпорет, — сказал Верш.

— Пускай, — сказала Кэдди. — Прямо в гостиную войду. Нет, прямо в столовую и сяду ужинать.

— А где ты сядешь? — сказал Верш.

— На бабушкино место, — сказала Кэдди. — Ей теперь в постель носят.

— Есть хочу, — сказал Джейсон. Перегнал нас, побежал дорожкой, руки в карманах, упал. Верш подошел, поднял его.

— Руки в карманах, вот и шлепаешься, — сказал Верш. — Где тебе, жирному, успеть их вынуть вовремя и опереться.

У кухонного крыльца — папа.

— А Квентин где? — сказал он.

— Идет там по дорожке, — сказал Верш. Квентин идет медленно. Рубашка пятном белым.

— Вижу, — сказал папа. Свет падает с веранды на него.

— А Кэдди с Квентином друг на дружку брызгались, — сказал Джейсон.

Мы стоим ждем.

— Вот как, — сказал папа. Квентин подошел, и папа сказал: — Сегодня ужинать будете в кухне. — Замолчал, поднял на меня руки, и сразу свет с веранды упал на меня тоже, и я смотрю сверху на Кэдди, Джейсона, на Квентина и Верша. Папа повернулся всходить на крыльцо. — Только не шуметь, — сказал он.

— А почему, папа? — сказала Кэдди. — У нас гости?

— Да, — сказал папа.

— Я говорил, что гости, — сказал Верш.

— Совсем и нет, — сказала Кэдди. — Это я говорила. И что пойду...

— Тихо, — сказал папа. Замолчали, и папа открыл дверь, и мы прошли веранду, вошли в кухню. Там Дилси, папа посадил меня на стульчик, закрыл передок, подкатил к столу, где ужин. От ужина пар.

— Чтoб слушались Дилси, — сказал папа. — Не позволяй им шуметь, Дилси.

— Хорошо, — сказала Дилси. Папа ушел.

— Так помните: слушаться Дилси, — сказал за спиной у нас. Я наклонился к ужину. Пар мне в лицо.

- Папа, пускай меня сегодня слушаются, — сказала Кэдди.
- Я тебя не буду слушаться, — сказал Джейсон. — Я Дилси буду слушаться.
- Если папа велит, будешь, — сказала Кэдди. — Папа, вели им меня слушаться.
- А я не буду, — сказал Джейсон. — Не буду тебя слушаться.
- Тихо, — сказал папа. — Так вот, все слушайтесь Кэдди. Когда поужинают, проведешь их, Дилси, наверх черным ходом.
- Хорошо, сэр, — сказала Дилси.
- Ага, — сказала Кэдди. — Теперь будешь меня слушаться.
- А ну-ка тише, — сказала Дилси. — Сегодня вам нельзя шуметь.
- А почему? — сказала Кэдди шепотом.
- Нельзя — и все, — сказала Дилси. — Придет время, узнаете почему. Господь просветит.
- Поставила мою мисочку. От нее пар идет и щекочет лицо.
- Поди сюда, Верш.
- Дилси, а как это — просветит? — сказала Кэдди.
- Он по воскресеньям в церкви просвещает, — сказал Квентин. — Даже этого не знаешь.
- Тшш, — сказала Дилси. — Мистер Джейсон не велел шуметь. Ешьте давайте. На, Верш, возьми его ложку. — Рука Верша окунает ложку в мисочку. Ложка поднимается к моим губам. Пар щекочет во рту. Перестали есть, молча смотрим друг на друга и вот услышали опять, и я заплакал.
- Что это? — сказала Кэдди. Положила руку на мою.
- Это мама, — сказал Квентин. Ложка поднялась к губам, я проглотил, опять заплакал.
- Перестань, — сказала Кэдди. Но я не перестал, и она подошла, обняла меня. Дилси пошла, закрыла обе двери, и не стало слышно.
- Ну перестань, — сказала Кэдди. Я замолчал и стал есть. Джейсон ест, а Квентин — нет.
- Это мама, — сказал Квентин. Встал.
- Сядь сейчас же на место, — сказала Дилси. — У них там гости, а ты в этой грязной одежде. И ты сядь, Кэдди, и кончайте ужинать.
- Она там плакала, — сказал Квентин.
- Это пел кто-то, — сказала Кэдди. — Правда, Дилси?